

КОНСТРУИРОВАНИЕ КУЛЬТОВОГО ОБРАЗА Г. Е. ЗИНОВЬЕВА В 1920-Е ГОДЫ

Флигинская Екатерина Дмитриевна

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

Аннотация

В данной работе рассматриваются способы формирования Г. Е. Зиновьевым личного культового образа в 1924–1925 годах на основе его собственных работ, посвященных В. И. Ленину. Постоянная апелляция к большевистскому вождю после его смерти стала для Зиновьева попыткой к выстраиванию собственного культового образа. Анализ его статей и речей позволит выявить, в какие специфические формы складывалось обращение Зиновьева к образу Ленина.

Ключевые слова: Г. Е. Зиновьев, В. И. Ленин, культовый образ, Коммунистический интернационал.

В 1920-е годы Г. Е. Зиновьев принимает активное участие в формировании собственного культового образа. В период внутрипартийной борьбы одним из важнейших приемов поддержания своих позиций в партии для него становится постоянная апелляция к авторитету Ленина. Обращение к работам и личности еще живого вождя способствовали укреплению позиции как партии, так и ее лидера в условиях Гражданской войны. Постоянная апелляция к текстам и высказываниям Ленина уже после его смерти были необходимы Зиновьеву исключительно для придания веса собственным идеям в условиях, когда ни партия, ни сам вождь уже не нуждались в поднятии авторитета.

Во всех статьях, очерках, речах и прочих текстах о Ленине и «ленинизме» Зиновьев обращается к ряду тем, через которые наиболее сильно проявляется его стремление приблизиться к статусу вождя и придать себе политический вес внутри партии. Такими темами являются: похороны В. И. Ленина, участие Ленина в деятельности Коммунистического Интернационала, связь Петрограда-Ленинграда с деятельностью вождя, жизнь Ленина до революции и после. Красной нитью через большинство текстов также проходит мотив присутствия и участия народных масс во многих значимых событиях.

Смерть и похороны В. И. Ленина — события, которые оставили яркий эмоциональный след в текстах Г. Е. Зиновьева. В своей книге «Шесть дней, которых не забудет Россия» Зиновьев выстраивает нарратив о том, что происходило в первое время, когда стало известно о смерти вождя, и что ощущали его товарищи в этот момент. Непосредственно в тексте, Зиновьев никак не выделяет себя на фоне остальных большевиков, которые также узнали о смерти Ленина одними из первых (такими были, например, Каменев, Сталин, Бухарин, Бонч-Бруевич и т.д.). В повествовании постоянно используются местоимение «мы» или глаголы во множественном числе: «смотрим», «вошли», «успели» и т.д. [12, с. 5–6]. Тем самым Зиновьев показывает свою солидарность с партийными товарищами и не выделяет себя на их фоне. Такая показательная отрешенность от собственного «Я» в пользу партийного единения довольно ярко контрастирует, например, с работой В. Д. Бонч-Бруевича, который также был одним из первых, кто узнал о смерти вождя. «Смерть и похороны Владимира Ильича», изданная в том же году, демонстрирует Зиновьева как одного из самых близких соратников В. И. Ленина, с которым он провел больше всего времени [1, с. 9]. В нарративе Бонч-Бруевича Зиновьев выделяется как непосредственный участник событий января 1924 года, в то время как в собственном повествовании, Григорий Евсеевич старается не отделять себя от коллектива.

«Коллективизм» Зиновьева наиболее ярко проявляется тогда, когда в его повествовании появляется народ, сочувствующий потере своего вождя. В этот момент «мы», обозначающее Зи-

новьева и его товарищей по партии, объединяется с множеством рабочих, крестьян, красноармейцев и превращается в одно большее «мы», объединяющее народные и партийные массы перед лицом потери [12, с. 8–9]. Опять же, сравнивая нарративы Зиновьева с описанием Бонч-Бруевича, стоит отметить, что второй не придавал особенного значения единению народа и партии, для него массы стояли обособленно — по отношению к ним использовались глаголы «стояли», «несут», «входили», «несли» [1, с. 28–30], которые показывают народ как единицу, действующую отдельно от партии. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что «коллективизм» и обращение к обществу являются индивидуальными приемами Зиновьева, с помощью которых он легитимирует себя через отождествление с народными и партийными массами, привлекая такой «открытостью» к массам, на свою сторону большинство.

Дискурс «коллективизма» в работах Зиновьева нередко появляется в связке с мотивом «массовости». Включение в нарратив народных масс делает общественность непосредственным участником происшедших событий, объектом, имеющим собственную волю и мысли, а Зиновьева — главным рупором общественных идей. Зиновьев представляет народ «прекрасной единой массой», переживания которой он разделяет вместе с партией [9, с. 4]. В своих речах, обращаясь к аудитории, Зиновьев не отделяет себя от нее, и неоднократно использует, например, местоимение «нас», чтобы продемонстрировать свое единение со слушателями и читателями [5, с. 3]. Единение в связи со смертью В. И. Ленина проявляется в чувстве скорби и боли от утраты вождя [4, с. 5]. Таким образом Зиновьев старается показать не столько идеологическую близость к массам, сколько эмоциональную, конструируя через текст более близкие отношения с общественностью. Важно отметить, что Зиновьев использует формулировки «наше с вами поколение» и «наш класс» [4, с. 5] при обращении к слушателям речи, чем может продемонстрировать свою включенность в жизнь рабочего класса, несмотря на то, что сам он его частью не является. Зиновьев также неоднократно отмечает, что ему хорошо знакомы интересы народа, которым он и старается соответствовать, предлагая аудитории писать и рассказывать о том, что может быть интересно ей [4, с. 6]. Все эти примеры демонстрируют особенное отношение, которое Зиновьев старался выстраивать между собой и обществом — лишенное какого-либо патернализма, оно конструируется на близости к рабочему классу как идеологической, основанной на совместном желании трудиться на благо светлого будущего, так и эмоциональной, корни которой лежат в глубокой скорби, связанной с потерей своего вождя.

Связанной с мотивом массовости и играющей большую роль для самого Зиновьева также становится опора на значение Петрограда-Ленинграда в революции и жизни В. И. Ленина. Сам город стал одной из главных вех в политической карьере Зиновьева еще в 1917 году, когда тот был избран председателем Петроградского Совета [2, с. 43]. С тех пор имя Зиновьева неразрывно связывалось со всеми событиями Петрограда, а авторитет, который закрепился за Григорием Евсеевичем в период председательства в Петросовете, сохранялся даже в то время, когда он не принимал значительного участия в жизни города в первой половине 1920-х годов. В 1924–1925-х гг. апелляция к населению Петрограда-Ленинграда и придание городу центрального революционного значения становятся еще одним выразительным приемом, используемым в работах Зиновьева.

Петроград в нарративе Г. Е. Зиновьева становится местом, где началась деятельность В. И. Ленина [9, с. 36]. Значимые факты биографии вождя тесно сопрягаются с городом, тем самым указывая на его исключительную значимость. Одним из таких событий является, например, выступление Ленина 3 апреля 1917 года в Петрограде, при описании которого Зиновьев использует конструкцию «величайшее историческое дело, выполненное Владимиром Ильичом» и дополнительно уточняет, что это великое дело было связано, в первую очередь, с петроградскими рабочими [9, с. 37].

Прием массовости, о котором говорилось ранее, и петроградский дискурс соединяются в обращении Г. Е. Зиновьева к рабочим — в описании их роли в деятельности Ленина и событиях революции. В работах неоднократно отмечается «нежная» любовь питерских рабочих к вождю,

их готовность идти за ним от начала до самого конца [12, с. 12]. Взаимная симпатия описывается и со стороны самого Ленина, который вдохновлялся рабочими Питера, «которых он учил, и у которых он учился» [9, с. 36]. Кроме того, делается акцент на то, что заслугой петроградского пролетариата являются «многие» и «основные мысли великой пролетарской революции» [3, с. 60], на которые вдохновился Ленин во время общения с ним. Таким образом, через образ «передового города революции» [5, с. 3], к которому вождь обращается «при первых же трудностях» и который населяют «самые воспитанные, самые революционные, самые дальновидные рабочие» [5, с. 11], показывается тесная связь Петрограда-Ленинграда с Лениным, на пути его становления великим вождем. Для Зиновьева было важно показать исключительность роли города в жизни В. И. Ленина, так как в эту связь он включал и самого себя. По отношению к Петрограду часто используется местоимение «наш»: например, «наш город и наша организация» [3, с. 60], «среди нас, в Петрограде» [8, с. 48], «чем был Владимир Ильич для нас, Ленинграда» [5, с. 10]. За счет использования «наш», по отношению к Петрограду-Ленинграду, в связь между городом и Лениным включался и Зиновьев, присваивая все особенные преимущества и качества революционного города, сыгравшего ключевую роль в жизни вождя.

Апелляция к Петрограду-Ленинграду становится еще одним важным приемом для повышения авторитета Г. Е. Зиновьева в партии. Будучи председателем Петроградского Совета, он не пытается акцентировать внимание на собственное управление городом, но создает образ крепкой «дружбы» между населением и вождем, делая себя частью петроградского населения. Петроград в нарративе Зиновьева — место, где оформились и распространились основные идеи Ленина, где зародилось сильное революционное движение, и сформировался самый грамотный и ответственный рабочий класс. Включая себя в эту прослойку дальновидных и революционных рабочих, Зиновьев наделяется теми же качествами и, следовательно, становится частью петроградского дискурса. Таким образом, повышая авторитет «своего» Петрограда и его пролетариата, Г. Е. Зиновьев приобретает большой политический вес в условиях внутрипартийной борьбы.

Петроград-Ленинград не становится единственной площадкой, на которой Зиновьев, обладая высоким авторитетом среди народных масс, старается основываться для придания себе большего влияния внутри партии. На самом деле, город несколько уступает в значимости другому политическому органу — Коммунистическому Интернационалу. В 1922–1925-х годах, в силу того, что работа в Коминтерне и деятельность в рамках внутрипартийной борьбы заставляли его больше времени проводить в Москве, Зиновьев все меньшее участие принимал в деятельности ленинградской партийной организации [2, с. 141]. Поэтому дискурс Коммунистического Интернационала становится еще одним важным элементом публицистики Г. Е. Зиновьева.

Основной прием, используемый Зиновьевым при описании деятельности Коммунистического Интернационала — апелляция к В. И. Ленину, как к главному основателю и вдохновителю этой организации. Несмотря на то, что с 1919 года Зиновьев являлся председателем ИККИ, в своих работах он представляет Коминтерн как «детище Ильича» [4, с. 25], тем самым адресуя все его заслуги вождю. Важно также отметить, что деятельность Ленина связывается со всеми вехами в истории Интернационала: начиная со связи I Интернационала с началом политической деятельности Ленина и первой попытки участия в деятельности II Интернационала [6, с. 3–4], продолжая его ролью в начале эпохи III Интернационала. На В. И. Ленина, как главного вдохновителя Коминтерна, указывает еще и содействие в написании двадцати одного условия для вступления, одного из основных документов организации. Несмотря на то, что Зиновьев отмечает, что правила были написаны им, главным «отцом» мысли называется именно Ленин [3, с. 35]. Более того, Коминтерну, помимо его официального названия, Зиновьевым дается имя «Ленинского Интернационала» [6, с. 27]. III Интернационал в работах Зиновьева не является очередной организацией, сопровождающей Ленина исключительно в его политической деятельности. Большой вес он приобретает, становясь частью повседневности и смерти вождя. Как население Петрограда сопровождало Ленина до самой его смерти, так и Коминтерн принимал непосредственное уча-

стие в процессе его похорон. Так, при рассказе о смерти Ленина, Г. Е. Зиновьев отмечает, что после траурной демонстрации, у гроба Владимира Ильича остается два знамени — ЦК РКП и Коминтерна [12, с. 13]. Так Зиновьевым показывается очевидная преемственность «заветов» Ленина, передающихся партии и Коммунистическому Интернационалу.

Таким образом, конструируя в работах образ вождя-основоположника и вождя-руководителя, Зиновьев придает символическое значение «детища Ленина» Коминтерну. Будучи председателем Исполнительного Комитета — главой целого Интернационала, Григорий Евсеевич призывает в своих речах нести «выше знамя Ленина — знамя Коминтерна» [7, с. 5], чем не только ставит подвластную себе организацию в один ряд с Лениным, но и делает себя носителем и продолжателем идей вождя в рамках этой организации, тем самым легитимируя собственные политические шаги.

Помимо создания акцента на наследовании политических достижений В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьев также обращает немалое внимание на биографию вождя, называя себя человеком, «знающим биографию тов. Ленина достаточно подробно» [8, с. 6]. Во многих своих работах Зиновьев обращается к жизни В. И. Ленина с целью подчеркнуть или более подробно описать то событие, о котором он повествует. А многократно переплетая биографию вождя с автобиографией, автор показывает, что он всегда был достаточно близок к Ленину, переживал те же трудности, выражал те же идеи и участвовал в тех же событиях. Такую общность Зиновьев часто подчеркивает, используя местоимение «мы» в моменты, когда ему необходимо обратиться к какому-либо случаю из жизни вождя. Зиновьев не только путешествовал и жил вместе с Лениным, описывая совместные повседневные занятия [11, с. 68–69]. Он также сопровождал вождя партии в наиболее опасные и важные моменты: «мы в тов. Лениным скрывались» [8, с. 42], «мы приехали в казарму» [3, с. 20], «мы прятались» [3, с. 47] и т. д. Что более важно, Зиновьев становится одним из первых, кто встречает весть о революции вместе с Лениным [10, с. 289]. Помимо «мы» в своих работах, Зиновьев отсылается и к собственным воспоминаниям о Ленине, используя конструкции «я не забуду» [6, с. 13], «я помню» [8, с. 33], «я вспоминаю» [4, с. 17]. Они также дают понять, что для описания событий из жизни вождя Зиновьев пользовался исключительно своими воспоминаниями, из чего следует, что он долгое время был рядом с Лениным, почему и предстает перед читателями ближайшим верным соратником Владимира Ильича.

После смерти Ленина, апелляция к его личности в работах Зиновьева не прекращается, но приобретает несколько иную форму — теперь Григорий Евсеевич не соратник и ближайший товарищ Ленина, а хранитель и популяризатор ленинских идей среди масс. Говоря о значении идей Ленина, Зиновьев называет их изложение «непосильной и ни для кого не выполнимой задачей», однако берет ее на себя [4, с. 6]. Этим он показывает, что только ему, но не кому-то другому, под силу говорить о Ленине. Делая себя главным интерпретатором мыслей вождя, Зиновьев использует такие фразы, как «позвольте мне говорить тут словами не своими, а в данном случае словами самого Владимира Ильича» [9, с. 10] или «Мне думается, в революционный марксизм Владимир Ильич внес следующие пять <...> моментов» [4, с. 11]. Акцент на собственной интерпретации и высказывании идей Ленина сохраняет ту преемственность, которая существовала между Зиновьевым и Лениным еще при жизни вождя. Жизнеописание Ленина становится еще одним ключевым приемом для повышения авторитета Зиновьева. Как в период до революции Зиновьев находится рядом с вождем, разделяя все трудности, новости, мысли и идеи, так и после смерти Ленина он продолжает распространять воспоминания и идеи о нем.

Список литературы

1. *Бонч-Бруевич В. Д.* Смерть и похороны Владимира Ильича: (По личным воспоминаниям). — М.: Жизнь и знание, 1925. — 39 с.
2. *Вихров В. М.* Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда-Ленинграда (конец 1917 г. — начало 1926 г.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена // СПб, 2011. — 227 с. — Библиогр.: с. 205–227.

3. *Зиновьев Г.Е.* В. И. Ленин — гений, учитель, вождь и человек: (речь на заседании Ленинградского совета, 7 февраля 1924 г.) // Л.: Государственное издательство, 1924. — 74 с.

4. *Зиновьев Г.Е.* В. И. Ленин: Речь, произнес. на заседании Ленингр. сов. рабочих и крест. депутатов 7 февр. 1924 г. // Харьков: Путь просвещения, 1924. — 47 с.

5. *Зиновьев Г.Е.* Историческое значение Ленина: (Речь, произнесенная в Ленинграде при закладке памятника В. И. Ленину, 16-го апр. 1924 г.) // Л.: Государственное издательство, 1924. — 15 с.

6. *Зиновьев Г.Е.* Ленин и Коминтерн: [доклад на торжественном заседании Исполкома Коминтерна и пленума Московского совета, 5 марта 1924 г.] // М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. — 32 с.

7. *Зиновьев Г.Е.* Ленин и Коммунистический интернационал // Л.: Государственное издательство, 1925. — 51 с.

8. *Зиновьев Г.Е.* Н. Ленин (Владимир Ильич Ульянов): Очерки жизни и деятельности // Сочинения. Т. 15: Владимир Ильич Ульянов-Ленин. — Л.: Государственное издательство, 1924. — с. 5–51.

9. *Зиновьев Г.Е.* На смерть Ленина // Л.: Государственное издательство, 1925. — 50 с.

10. *Зиновьев Г.Е.* Приезд Ленина в Россию // Сочинения. Т. 15: Владимир Ильич Ульянов-Ленин. — Л.: Государственное издательство, 1924. — с. 289–295.

11. *Зиновьев Г.Е.* Тов. Ленин на отдыхе // Там же. — С. 68–73.

12. *Зиновьев Г.Е.* Шесть дней, которых не забудет Россия // Л.: Государственное издательство, 1925. — 16 с.

Abstract

The article examines the construction of Grigory Zinoviev's own personality cult image during 1924–1925, based on his own texts, dedicated to V.I. Lenin. The constant appeal to the Bolshevik leader after his death became Zinoviev's attempt to construct his personality cult. An analysis of Zinoviev's articles and speeches makes it possible to reveal, what specific forms of appeal to Lenin's image Zinoviev made.

Key words: G. E. Zinoviev, V.I. Lenin, cult image, Communist International.

Информация об авторе: Флигинская Екатерина Дмитриевна, студентка 3 курса, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, edfliginskaya@edu.hse.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОЛЕБАНИЯ В ВОСПРИЯТИИ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1914 ГОДА

Каркач Максим Владимирович

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация

В данной статье рассматриваются настроения различных классов населения на момент начала Первой мировой войны. Основная проблема заключается в факте существования массовой патриотической эйфории всех слоев населения в июле-августе 1914 года. Этот факт многими